

Вратарь и море

Автор:

[Мария Парр](#)

Вратарь и море

Мария Парр

Лучшая новая книжка

Герои «Вафельного сердца» Лена и Трилле из бухты Щепки-Матильды подросли – им уже по двенадцать лет, а в этом возрасте все непросто. Дед Трилле стареет, неподалеку поселяется девочка-иностранка, а новый тренер футбольной команды изводит Лену придирками и держит на скамейке запасных. Друзья по-прежнему пускаются в невероятные авантюры, ссорятся и мирятся, ведут разговоры о пустяках и о важном. Год им предстоит нелегкий, он принесет любовь и ревность, страх смерти и отчаяние, мужество в трудную минуту и стойкость на пути к цели. Остроумная и трогательная повесть, как и предыдущие книжки Марии Парр, читается на одном дыхании: вместе с героями мы смеемся и плачем – и верим каждому слову. Для младшего и среднего школьного возраста.

Мария Парр

Вратарь и море

Книга издана при финансовой поддержке норвежского фонда

(Норвежская литература за рубежом)

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства.

Maria Parr. Keeperen og havet

Copyright © Det Norske Samlaget 2017

Norwegian edition published by Det Norske Samlaget, Oslo

Published by agreement with Hagen Agency, Oslo

© Аня Леонова, иллюстрации, 2019

© Ольга Дробот, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

Лето и соленое море

Прыжок с мола

«Бдымс!» – грохнула входная дверь, дом покачнулся, к шуму и грохоту добавились дикие крики:

– Паразитство! С-сушки соленые!

Я встал и, спотыкаясь, вышел из комнаты. Все мои уже маячили в коридоре, заспанные, помятые, нечесанные. Минда, старшая сестра, сумела открыть только один глаз. Папа, судя по его виду, пока не решил, вылупился он уже из одеяла или еще нет.

– Стучали, – громко сказала Крёлле.

– Это чего было? – спросил Магнус, мой старший брат.

– Или природный катаклизм, или Лена Лид вернулась наконец домой, – объяснила мама.

Оказался не катаклизм. Спустившись на первый этаж, я увидел, что в прихожей топчется Лена – мой лучший друг и соседка.

– Привет, Трилле, – сказала она с печальным вздохом.

– Привет. А это что?

– Твой подарок.

Я протер глаза.

– Спасибо. Как называется?

– Куча щепок и осколков. А раньше назывался бутылка с парусником внутри.

Лена была ужасно несчастная.

– А склеить нельзя?

Склеить?! Да что за глупости я говорю?! Это была самая красивая вещь на свете!
О склеить и речи нет!

– Я вообще не знаю, как они его туда запихнули, Трилле. Парусник стоял внутри в полный рост и был гораздо шире горлышка.

Мама помогла нам справиться с кораблекрушением. Она хотела сразу выбросить обломки, но я сложил их в банку от мороженого и унес в комнату. Все-таки подарок.

Лена села с нами завтракать. Мне пришлось несколько раз оглядеть ее подробно и внимательно. Она постриглась и вплела в волосы какие-то длинные разноцветные фенечки. Загорела.

Я чувствовал себя слишком каким был, даже шорты с тем же; пятном, что до ее отъезда. Сами мы в отпуск почти никогда не ездим. Во всяком случае, за границу. У нас хутор, хозяйство, дела. А Лене вышла везуха, она целых две недели жарилась на Крите с мамой и Исаком. И пила смузи с воткнутым в стакан («вот так, смотри!») китайским зонтиком, пока я жевал свои вечные бутерброды с паштетом. И спала под одной простыней. И купалась в теплом море. Там была сотня мелких лавочек, в них тыщи разных крутых штук, все Лене по карману. Вот вроде моей бутылки с парусником. На обед она каждый день ела картошку фри. А днем на Крите такая жара, будто прямо под боком жгут костер, как на Ивана Купалу.

– Тебе надо самому туда съездить, Трилле!

– Угу, – кивнул я и стал молчать дальше.

Досадно ни разу в жизни не съездить на юг, но мне тоже было чем похвалиться. И я ждал, когда наконец Лена спросит, что новенького у нас здесь, у старого моря. Но нет. На Крите еще была моторная лодка, в которой Лена переплыла на остров, а ее мама летела за лодкой на каком-то шаре.

– Я успела сказать, какая там жара, да?

Я кивнул, и Лена затараторила дальше о бездомной собаке Порто, скорее всего лишейной, и о двух девочках, с которыми она там познакомилась (они трусихи и не умеют балансировать на краю), и о том, что на завтрак давали блинчиков сколько хочешь.

В конце концов мне надоело ждать.

– Я прыгнул с самого верха мола.

Лена оборвала рассказ и посмотрела на меня, не веря.

– Врешь.

Я помотал головой.

Моя соседка встала из-за стола. Вид ее говорил: не поверю, пока не увижу своими глазами!

Это пожалуйста, иди любуйся.

– Спасибо за завтрак, – прошамкал я с полным ртом и стянул свое полотенце с лестничных перил.

В Щепки-Матильды есть пляж, у мола в подмышке. Зимой туда надувает ветром много песка, и мы строим там замки и крепости. Но когда Лена уехала в отпуск, я стал ходить с Миндой, Магнусом и их друзьями на самый край мола. Там высоко, глубоко и холодно – короче, там совсем другая жизнь.

В прыжках с чего-нибудь Лена круче всех в Щепки-Матильды. У нее меньше дрожи в коленках, чем у всех остальных вместе взятых. (Или меньше мозгов в башке, как утверждает Магнус.) Но с мола Лена не прыгала никогда. Она плохо плавает.

- Лену бросать в море – все равно что якорь, – говорит дед.

Так что это чистой воды сенсация, что я могу прыгнуть, откуда Лена не может. И такая сенсация ей глубоко противна, это я сразу понял.

И вот я стою на самом верхнем камне мола. Ранняя рань, воздух шестнадцать градусов.

- Ты уверен, что у тебя психика выдержит? – серьезно спрашивает Лена. Она прислонилась к соседнему камню и кутается в парео с Крита и куртку.

Я киваю. Я много раз нырял отсюда, пока Лены не было. Но всегда в прилив, в высокую воду. А сейчас как раз отлив, и расстояние до воды стало гораздо больше. И дно видно.

Ветер раздувает купальные шорты. На миг приходит предательская мысль: Трилле, может, не надо? Но тут я вижу приникшую к камню Лену. Она стоит и не верит в меня. Я закрываю глаза и делаю вдох. Раз, два, три!

«Бултыхсссс!» – я врезался в воду, «свур-слиш» – она закрутилась воронкой и сомкнулась у меня над головой.

Когда я первый раз ухнул на глубину, то решил, что утонул. Но теперь я знаю, что надо просто задержать дыхание и быстро-быстро молотить ногами по воде.

- Фуф! – выдохнул я, прорвав пленку воды и вернувшись в летнее утро.

Лена забралась на прыжковый камень и недоверчиво смотрела на меня. Я победно улыбнулся. То-то, Лена, получи и распишись!

Не успел я так подумать, как Лена шагнула одной ногой вперед, хлопнула себя по щеке и завопила:

– Ой-ой-о-о-о-о-о-о-о-о-о-ой!

Пролетела по воздуху прямо в джинсах, свитере, куртке, парео и кроссовках и – бултыхсссс! – вошла в воду.

Сиганув с мола в море, Лена вернулась домой из отпуска. Какие там смузи с зонтиками, если ты только что едва не утонул в Щепки-Матильды!

Лены не было бесконечно долго. Наконец она вынырнула – и тут же с громким «сву-ур» снова ушла под воду. Если бы в это время не подоспел дед с багром, не знаю, чем бы дело кончилось. Он выудил ее на берег как большую рыбину. Лена оглушительно кашляла и отфыркивалась.

– Я по правде на минутку утонула, – сказала Лена. – И увидела вдали огромный яркий свет.

Мы уже выпили по две чашки обжигающего какао по рецепту Исака, а Лену все еще трясло, как газонокосилку на холостом ходу.

– Пфуф, – фыркнул я. – Нельзя умереть и дальше жить. Ты просто увидела солнце, оно так выглядит из-под воды.

– Не твое дело, и не умничай! А море в Щепки-Матильды как кола со льдом. Народ с Крита помер бы от купания в нашем море!

Я промолчал. Мы-то сами тут с рождения купаемся.

– Ну ладно, – сказала Лена, – с мола я прыгнула, больше в жизни не стану. Все, здесь у меня уже галочка поставлена.

Вид у нее был очень довольный. Она запрокинула голову и сцедила в рот последние капли какао.

Новоселы на хуторе Юна-С-Горы

Услышав о нашем купании, мама выдала нам обоим по огромному ведру.

– Если люди доросли до прыжков с мола, с них больше спрос по хозяйству. Чтоб не возвращались, пока не наберете черники по верхнюю кромочку! – скомандовала она.

Лена в ужасе уставилась на ведро.

– Я не из твоей семьи, Кари.

– Вот как? Мне напомнить тебе об этом, когда у нас будут блины с черничным вареньем, а ты как раз окажешься в гостях? – спросила мама.

Я видел, что у Лены вертится на языке ответ. Но даже Лена не решается спорить с моей мамой в последнее время. Та что-то лютует хуже школьных директрис из прошлой жизни. Магнус за глаза называет ее Диктатором. А Лена говорит, что ничего удивительного. Ситуация в семействе Даниельсен Уттергорд полностью вышла из-под контроля, говорит Лена. Минда и Магнус чуть что хлопают дверью, того гляди дом развалится. Крёлле с утра до ночи падает всем на голову и чего-то требует, хоть надевай шлем с наушниками.

– А ты вообще как пыльный лютик, весь в своих мечтах, а нет бы тарелку за собой помыть. Конечно, Кари приходится закручивать гайки. Жалко только, что под санкции попадают невинные люди, которые ничего плохого не сделали,

просто живут в соседнем доме.

Одно Лену радует – что лично у нее есть своя собственная семья, где можно расслабиться в мирных условиях.

С тех пор как они с мамой обрели Исака, жизнь в их доме потекла тихо и спокойно. Он ходит вечно растрепанный и никогда не сердится. Я думаю, он потому такой невозмутимый, что работает доктором. Привык иметь дело с болезнями и драмами, поэтому жить с Леной для него стресс среднего уровня.

Иногда Лена называет его папой, но говорит это скороговоркой и смущаясь, как будто боится, что он растворится без следа, если услышит.

Пока мы дошли до черничника за хутором Юна-с-горы, озноб от холодного купания дошел до точки невозврата.

Лена сунула голову в ведро и заорала благим матом:

– Детский труд под запрет! Детский труд под запрет!

Сняла ведро и сообщила:

– Трилле, там эхо внутри гуляет. С таким же успехом Кари могла дать нам ванну и велеть наполнить до краев ее.

Я присел на кочку и стал собирать ягоды. Солнце лило свет через дуршлаг из тысячи листьев, и моя футболка покрылась солнечными пятнышками. Рядом Лена собирала шишки. Было тихо и по-летнему хорошо.

А потом она сказала:

– Один маленький братик. Неужели я слишком многого хочу, Трилле?!

Мой лучший друг не из тех людей, которые годами тихо о чем-нибудь мечтают. Нет, она ставит цель и идет к ней. И когда два года назад ее мама вышла замуж за Исака, Лена твердо решила, что у них родится ребенок, мальчик.

– Нужно немножко подождать, – объясняла она нам с дедом, – и скоро у меня родится братик, точь-в-точь такой, как я. Будет орать, обделываться и вообще.

Лена была уверена на все сто, а мы с дедом так привыкли, что все всегда выходит по ее, что и братика сразу приняли как данность.

Но прошло уже два года, мы доросли до седьмого класса, а в Ленином доме малышом и не пахнет.

Я вздохнул.

– Дети не заводятся по заказу, так мама говорит.

– Вот что она имеет в виду? – спросила Лена с недоумением. – Вас уже столько, что в дверях заторы.

Я все собирал и собирал чернику. Рядом с Леной тем временем кончились все шишки, и она перешла на мох. Она отщипывала его кусочками и складывала в свое ведро.

Заполнив его почти полностью, стала наконец обирать черничник вместе со мной.

– Лена... – вздохнул я безнадежно.

– Полное ведро на раз-два-три. Трилле, сам попробуй. А они ничего не заметят.

– Еще как заметят, когда начнут чистить и перебирать.

– Меня там тогда уже не будет... Тсс, что это?

Отчаянный скулеж внезапно прорезал тишину летнего леса. Мы повернулись на звук и стали всматриваться, щурясь на солнце.

– Это собака! – завопила Лена и ринулась на помощь. – У нее поводок за что-то зацепился! Бедная...

Представляете себе, найти в лесу собаку?! И ладно бы еще Лаббена, Айко, Тьюрвена или другую окрестную псину, но это была совершенно новая собака, незнакомая ни мне, ни Лене.

Собака смотрела на нас грустными глазами, ее коричневая шерсть красиво переливалась на солнце.

– Это судьба, я думаю, – серьезно сказала Лена, пока мы выпутывали бедолагу. – Я думаю, собака пришла в Щепки-Матильды, чтобы здесь жить. Тогда я в крайнем случае могу годик подождать с братом. А то слишком много всего сразу.

Я взглянул на длинный поводок.

– Лена, у нее есть хозяин.

Пропустив мои слова мимо ушей, Лена позвала собаку:

– Иди, иди ко мне! Ко мне!

Держа пса на полудлинном поводке, Лена выбежала из леса. Они носились в высокой траве на лугу Юна-с-горы, играя и смеясь. У Лены настоящий талант к собакам.

Но радость была недолгой, конечно же. Перед домом Юна-с-горы стоял огромный белый грузовик, а рядом копошились люди.

– Хаас! – закричали они хором.

Пес дернулся, потянул Лену, она оступилась, упала в тракторную колею, полную навоза, и выпустила из рук поводок.

Когда Лена вылезла из грязи, то была похожа на большую коровью лепеху. Две секунды она стояла, вытянув руки, как палки, подальше от себя, и буравила взглядом людей у грузовика. А потом решительно зашагала к ним.

– Вы не следите за своей собакой как положено! – отчеканила она.

Люди испуганно тарацились на нас, особенно на Лену-в-навозе. Я беспокойно переминался с ноги на ногу.

Позади всех стояла девочка, похожая на солнце. Светлые кудри окружали лицо пушистым облаком, она чесала пса за ухом и смущенно улыбалась.

А потом они заговорили по-английски. В школе у меня дела с ним гораздо лучше, чем у Лены. Она вообще не понимала, на кой черт его учить, когда уже знаешь норвежский. Но как съездила на Крит, сразу все поняла.

Не успел я рта раскрыть, как она уже сказала:

– The dog was fast in a tree![1 - Собака привязалась к дереву. (Примечание переводчика: герои книги иногда говорят по-английски с ошибками.)]

– O! Thank you! Thank you![2 - О, спасибо! Спасибо!] – затараторил мужчина, которого мы посчитали папой.

Лена смерила его мрачным взглядом. Выглядела она зловеще, с нее капал навоз.

– The ferry is that way![3 - Паром – это туда.] – показала она пальцем. – Трилле, идем.

Я широко улыбнулся девочке с кудряшками и пошел за Леной.

– Ох уж эти туристы, – фыркнула она. – Надо ж так промахнуться – заехать на гору вместо пристани! Нужно клеить им на машины специальный знак «Опасность на колесах!».

Бутылка за бортом

Страдать ерундой на суше Лена больше не собиралась, поэтому на следующий день мы вспомнили о бутылочной почте.

Раньше мы постоянно кидали в море бутылки с записками. А в этом году – всего две. Одну с парома и одну с мола. Потому что Щепки-Матильды притягивают бутылки обратно. Все наши письма непременно выбрасывает на камни где-нибудь рядом с домом, и мы оказываемся в дураках. Настоящая бутылочная почта должна доплывать до Англии и Исландии, не говоря уже о Крите.

Поэтому сегодня мы встали в полпятого утра, чтобы выйти с дедом в открытое море. Он собрался на Коббхолмен, потому что с вечера поставил там сети.

– А чего так медленно твой катер тащится? – спросила Лена, едва мы отчалили от берега. – Вот на Крите была одна скоростная моторка, так она...

– На Крите, курица?! – возмутился дед. – Мой катер – это тебе не абы что!

И он стукнул кулаком о переборку.

Не найти, я думаю, человека, который любил бы свое судно так же; сильно, как дед «Тролля». Они с катером всю жизнь вместе.

– Мог бы добавить своему тролльчонку лошадиных сил, мотор посильнее поставить, – не унималась Лена. – Так мы весь день будем колупаться, пока на глубину выйдем.

– У меня лично весь день свободен, – ответил дед.

Я сел на палубу. Вдруг наше письмо правда переплывет океан? Мы написали в нем по-английски, как нас зовут, где мы живем и свои телефоны. И даже вложили наши фотографии. Нам кажется, если кто-то в другой стране прочитает письмо, он сразу захочет позвать нас в гости. Почему нет?

– Иностранцы очень крутые, – сказала Лена. – На Крите они...

Мы с дедом переглянулись и дружно закатили глаза.

– Лопнуло мое терпение, ватрушки зеленые! – внезапно завопила Лена у меня за спиной – и со всей дури швырнула бутылку за борт.

– Лена! – завопил я сердито. – Мы даже из фьорда еще не вышли!

Моя соседка печально смотрела на бутылку, которая то опускала горлышко в воду, то вскидывала, но вот спокойно легла плашмя и поплыла с попутным ветром к берегу.

– Могу прыгнуть в воду и достать ее, – смиренно предложила Лена.

– Спасибо, Лена Лид, только этого не хватало, – возмутился дед. – Я собирался рыбу ловить, а не девочек багром вытаскивать.

Лена театрально опустилась на палубу рядом со мной.

– Так я пленница на «Тролле»? До конца дня? Печенье здесь хоть дают или как?

Мы медленно чапали вперед вдоль берега, пока не вышли на простор. Мертвая зыбь качала нас, как в огромной колыбели, и весь шум с берега сразу пропал. Я перестал сердиться из-за выброшенной бутылки.

– Англия вон там, – сказала Лена и показала в ту сторону, где небо ложилось на воду.

– А Коббхолмен – вот он.

Остров чернел одинокой точкой посреди сплошной синевы. На нем стоял лишь маяк – и все.

– Это необитаемый остров? – спросила Лена.

– Ну теперь да, – ответил дед. – А раньше там жили.

Мы с Леной во все глаза смотрели на крошечный остров и притихший маяк. Ничего себе – вот так жить. Посреди океана.

Катер подошел ближе, и мы увидели дом и хлев. А между черных камней разглядели травяные заплатки.

Дед тоже молча смотрел на маяк.

– Трилле, ты знаешь, что твоя бабушка тут выросла?

– Чего?

Дед кивнул и повел катер к бакену, который качался на волнах чуть дальше в море.

– У тебя есть бабушка? – недоверчиво спросила Лена. – А как ее зовут?

– Она умерла, – ответил я. – Еще когда папа был маленьким.

– А-а.

Лена ничего больше не сказала, только задумчиво смотрела на маяк.

Спокойными, отработанными движениями дед готовился тащить перемет. О бабушке он редко говорит вслух. Но когда мы идем на кладбище за церковью, у нас с собой всегда два букета – один бабе-тете, а второй настоящей бабушке. У нее на могиле лежит небольшой круглый камень, непохожий на все соседние.

«Очень скучаем» – написано на нем в самом низу.

Я долго смотрел на остров перед нами. Вокруг маяка и Коббхолмена как будто очертился круг света. Надо же, мама моего папы здесь выросла. Неужели ее папа был смотрителем маяка?

– Поберегись! – сказал дед и включил лебедку. Механизм затарахтел, заходил ходуном, и шнур начал наматываться на бобину.

Вытягивать перемет – это как киндер-сюрприз открывать. Никогда не знаешь, что попалось на крючки. Но у деда всегда ловится рыба, и никто в деревне не знает рыбные места лучше, чем он.

Однажды в юности дед поймал палтуса больше своего роста, я видел фотографию. И я прямо мечтаю, что дед снова поймает такого же. Поэтому я всегда свешиваюсь за борт чуть не на полметра, когда мы вытягиваем перемет. Дед мне это разрешает. В море с ним вообще легко договориться, он только строго следит, чтобы никто не подходил вплотную к лебедке: дяде Тору в детстве так оторвало полпальца.

Папа настаивает, чтобы дед приделал к лебедке кнопку экстренной остановки. Это, мол, обязательное правило. Но в море дедом никто командовать не может. Когда от него чего-то требуют, он этого не делает из принципа. Лучше учить ребят быть осторожными, говорит он.

Мы с Леной свесились за борт, насколько хватило смелости, и кричали деду, когда с переметом вытягивалась очередная рыба. Уже с половину крючков было выбрано, и тут под водой заблестело что-то большое и гладкое.

– Ух ты! – завопила Лена. – Ну и громадина, ёрики-морики! Ларс, тащи-и-и!

Гигантская треска плюхнулась на дно. Лена издала радостный клич и принялась скакать вокруг. Совсем чокнутая.

– Кнопка, когда ты в следующий раз соберешься с нами в море, поставим перемет на палтуса, – засмеялся дед, потирая руки. – Увидишь наконец большую рыбу. Если тебе, конечно, не противно ходить на «Тролле».

- Противно?!

Лена поставила ногу на треску, как будто это пристреленный ею лев.

- Очень вероятно, что я стану рыбаком, когда вырасту, - заявила она.

- Ты же; хотела быть вратарем? - спросил я, вынимая рыбный нож.

- Когда моя карьера в спорте закончится, мне придется возвращаться к обычной жизни.

Бутылку с нашим письмом мы не увидели, хотя высматривали ее долго-долго: дед еще ставил перемет на сельдь, а только потом повернул к дому.

- Попомни мои слова, Трилле! - сказала Лена. - Скоро позвонит испанец. Хелло, сеньор и сеньорита, рад познакомиться!

Но все пошло не так, а совсем иначе. И началось тем же; вечером.

Я валялся на диване с книжкой. Раздался звонок, и Крёлле с топотом промчалась в прихожую, чтобы успеть самой открыть дверь. А потом, к моему изумлению, закричала, что ко мне гость. Кто бы это мог быть? Лена входит без звонка и стука.

Я вышел в прихожую и обомлел. Коричневый пес из леса с любопытством обнюхивал мои чуни, а на нижней ступеньке лестницы стояла она. Девочка-солнце.

- I found it[4 - Я это нашла.], - сказала она робко и протянула мне бутылку с письмом.

Иностранка

- Что значит «переехали сюда»? - спросила Лена шепотом и смерила стоявшую в саду девочку критическим взглядом.

- Ее семья приехала сюда жить. Они из Голландии. И будут снимать дом Юна-с-горы.

- А это вообще законно?

- Конечно. Юн-с-горы живет в доме престарелых. Идем!

Я потянул Лену в сад.

- This is Lena[5 - Это Лена.], - сообщил я с энтузиазмом.

- Hi. I'm Birgitte[6 - Привет, я Биргитта.], - девочка кашлянула и вежливо протянула руку.

- Чего? - сурово спросила Лена.

- Ее зовут Биргитта, - объяснил я.

Мне хотелось, чтобы Лена не вредничала, а сказала что-нибудь приятное на своем новом критском английском, но в ее планы это, похоже, не входило. Она молча смотрела на собаку. Та вежливо обнюхивала Лену, как делают все звери при встрече с ней.

Я чувствовал себя неуютно – точно уж на сковородке.

– Eh, do you want to build float with us tomorrow?[7 - А ты строить с нами плот завтра хочешь?] – выпалил я внезапно. И ощутил, как стоящая рядом Лена застыла и перестала дышать.

– Float? – переспросила Биргитта неуверенно.

Однажды вечером в начале лета, когда взрослые после обеда пили кофе на террасе, папа с дядей Тором стали вспоминать, как они в детстве построили плот и доплыли на нем до города. История была явно не для наших ушей, потому что у папы сделалось очень встревоженное лицо, когда он понял, что мы тут и слушаем. Он немедленно перевел разговор на другое и замял тему, но поздно: дело было сделано. Раз папа с дядей Тором сумели переплыть фьорд на самодельном плоту, то и мы с Леной сможем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Собака привязалась к дереву. (Примечание переводчика: герои книги иногда говорят по-английски с ошибками.)

2

О, спасибо! Спасибо!

3

Паром – это туда.

4

Я это нашла.

5

Это Лена.

6

Привет, я Биргитта.

7

А ты строить с нами плот завтра хочешь?

Купити: <https://telnovel.com/mariya-parr/vratar-i-more>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)